

Дело об автографе

Кристи Мур

Александр Щепетков

Александр Щепетков Кристи Мур Дело об автографе

<https://litres.ru/74265154>

SelfPub; 2026

Аннотация

Июньский воздух насыщает и вдохновляет, а в мыслях двадцатичетырёхлетней журналистки Шуры Грачёвой сами собой складываются поэтические строки.

Скучные редакционные будни и рутинные интервью отступают на задний план, когда девушка получает задание осветить выставку редчайшей книги поэта Серебряного века. Именно там она встречает Дмитрия – замкнутого и преданного своему делу реставратора, чьи руки пахнут старой бумагой, а серые глаза с первого взгляда лишают Шуру покоя. Но внезапно вспыхнувшая светлая влюблённость омрачается громким скандалом и репутация Дмитрия запятнана в одночасье.

Для Шуры эта история перестаёт быть просто погоней за газетной сенсацией. Ведомая искренним чувством и жадой справедливости, она начинает собственное расследование. Вооружившись дедукцией и поддержкой верных друзей, девушка погружается в тайны прошлого века.

Содержание

Часть первая. Буря в книжном переплёте	4
Глава 1. Вступление в игру	4
Глава 2. Холодный блеск и серый взгляд	10
Глава 3. Перчатка, брошенная в тишине	15
Глава 4. Факты, а не метафоры	21
Глава 5. Военный совет за чашкой рафа	26
Часть вторая. По следам поэтического слова	32
Глава 6. Запах клея и старых страниц	32
Глава 7. Обаяние антиквара	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Щепетков, Кристи Мур Дело об автографе

Часть первая. Буря в книжном переплёте

Глава 1. Вступление в игру

Июньский воздух свежестью манит,
Струится так легко на полном вдохе.
Когда асфальт ещё росой покрыт,
И город спит, забыв о суматохе.
Здесь, с высоты откоса, падал взгляд
Туда, где слились две реки в объятьях,
Где куполов торжественный наряд
Пронзал зари пылающее платье.

В наушниках привычный лёгкий бит,
А в мыслях – строчки, что ещё не спеты.
Душа о чём-то трепетно болит,

И ищет в каждый миг свои ответы.
Мне двадцать с небольшим, и что могу?
Вся жизнь – крутая эта панорама:
Я просто вверх по лестнице бегу,
Не разглядев ни красоты, ни храмов.

Внизу резвится ветер-озорник
Среди листвы густой, медовой липы,
Он в каждый двор и улицу проник,
И к веткам струи ласково прилипли.
И этот сладкий, этот пряный дух
Несётся с ветром утренней прохладой,
Лаская обоняние и слух,
И обещая летнюю усладу.

Пробежка – это маленький обряд,
Возможность быть наедине с собою.
Одни с утра похмельный ищут яд,
Другие – отдаются так покою.
Но вот и всё. Пора спускаться вниз,
Где ждёт меня обычный день рабочий:
Опять дедлайн, редактора каприз,
И кофе, что становится всё горче.

Короткий душ. Футболка. Лёгкий джем.
Простая жизнь обычной журналистки.

Без пафоса и драм, без сложных схем,
Без роковой, губительной записки.
Лишь тексты, интервью и вечный сыск
Того, кто тронет, в ком найдётся отклик,
В случайных отголосках, ликов брызг
Возникнет вдруг живой и ясный облик.

В редакцию пришла. Знакомый гул.
Поток звонков, что рвёт пространство в клочья.
Здесь каждый свой кусок земли стянул,
Вцепившись в новость хваткой многоточной.
«Привет, Катюш!» – «Привет! Забег твой как?»
«Всё в норме, воздух – это просто сказка».
«У Сомовой сегодня “черный флаг”,
Ты осторожней или будет встряска».

Коллега Катя – это личный гид,
Она – пиарщик нашего отдела.
Её активный и цветущий вид
Всегда в контрасте с пчёлами за делом.
Она, как бабочка, порхает меж столов,
Неся коктейль из сплетен и из фактов,
Готовая на всё, без лишних слов,
Для выгодных и значимых контрактов.

И словно подтверждая правоту

Её простого, дельного совета,
Раздался голос, режущий мечту,
Из дальнего угла, где тьма без света.
«Грачёва, уделите пять минут,
Я вам задачу выбрала по силам.
Несите свой блокнот. Ведь этот труд –
Ваш главный шанс, поверьте старожилу».

Тамара Сомова. Начальница. Гроза.
В её очках – прицел зенитной пушки.
Она не смотрит пристально в глаза,
Но бьёт словами точно по макушке.
Я подошла, готовая ко всем
Её сарказмам, правкам и придирам.
«Присядьте на диван. Есть пара тем,
Что не сдерёшь бездумно под копирку».

Она передо мной кладёт проспект,
Он глянцевого и строгий, и с тиснением.
«Вот, посмотрите. Ключевой аспект
В культурной жизни с важным приложением.
К нам привезли на выставку в музей
Редчайший фолиант, почти что святость.
Вам предстоит излить словесный клей,
Чтоб закрепить восторженность и радость».

Я пробежала взглядом по строкам:
«Поэт известный...» — имя мне знакомо, —
«Серебряного века...» — тут и там
Мелькало всё достаточно весомо.
Но главное — не книга, не года,
А то, что шло последним уточнением:
«С автографом бесценным, господа,
И с личным величавым посвящением».

«Вы поняли, Грачёва? Ваш конёк —
Вот эта вот лиричности крупица.
Мне нужен текст, чтоб он чтеца увлёк,
Чтоб тот сказал: "Хочу там очутиться!"
Метафоры найдите, чтоб народ
В восторге сразу нёсся за билетом.
И помните, что журналиста ждёт
Открытие с оплаченным банкетом».

Она мне протянула пресс-релиз.
«Открытие сегодня. Будьте в форме.
Тут сразу и задание и приз.
Вы — соловей, вам петь в медийном шторме.
Идите, Шура. Жду статью к утру».
Я молча встала, взяв листы проспекта.
Я чувствовала, как вхожу в игру,
Где микс поэзии, любви и интеллекта.

Внутри зажёгся робкий огонёк —
Предчувствие чего-то вне формата.
Ведь каждая история — намёк
На тайну, скрытую в тумане аромата.
И вот иду к столу, уже в мечтах,
С надеждой, что в простом заданье этом
Найду не только рифму на устах,
Но и судьбу под этим летним светом.

Глава 2. Холодный блеск и серый взгляд

Музей гудел, на улей походил,
И воздух был пропитан суетою,
В рою людей под отблеском светил,
Смешались звуки с праздною молвою.
Искрил бокал в приподнятой руке,
Он отражал светильников сиянье,
В другой – блокнот сжимала в кулаке,
А мир в тот миг казался изваяньем.

Напыщен, чужд, наполнен до краёв
Самодовольством и пустой беседой,
Он состоял из дорогих слоёв
И гнался за минутную победой.
Здесь каждый был и критик, и знаток,
И каждый нёс себя почти как знамя.
Я сделала воды скупой глоток,
Держа свой кубок наравне с гостями.

Затем пошла, куда манил мой долг,
К витрине, что стояла в центре зала,
Где под стеклом потёртый том умолк,

И тишина его оберегала.
В нём было всё – и магия, и власть,
И тайна, что дороже всех на свете.
Хотелось к той витрине ниц припасть,
Забыв о шуме и фальшивом свете.

Я подошла поближе, чуть дыша,
Пытаясь рассмотреть чернил узоры,
И чья-то очень древняя душа
Смотрела сквозь веков немых затворы.
«Впечатлены, я вижу», – рядом бас
Директора, что шёл ко мне с мужчиной.
«Наш главный гость, что выставлен сейчас,
Вот этому обязан господину».

Высокий, в сером пиджаке из льна,
И с русой прядью, павшей непослушно,
В его глазах таилась глубина,
На мишуру смотревши равнодушно.
Спокойный взгляд, как летняя вода,
Где видно дно и каждый мелкий камень.
Он был из тех, кто здесь и никогда,
Кто сам в себе хранит священный пламень.

Директор тут же убежал к гостям,
Увидев как инвестор входит в залу.

И гомон зала оборвался там,
И на мгновенье тишина настала.
А он шагнул, молчание прервав,
Простым кивком развеяв это бремя:
«Как громко он сказал, но всё ж не прав,
Я просто лишь добавил книге время».

Какой приятный, мягкий баритон,
Без нот хвастливых, без пустой бравады.
«И всё равно за книгу вам поклон,
Вы жизнь ей подарили нам в награду», –
Я отвечала, щёки опалив
Теплом, что разлилось от диалога.
Он улыбнулся, мягко обнажив
Красивый ряд зубов, кивнув немного.

«Я реставратор, Дмитрий Волков», – он
Сам протянул мне вежливую руку.
«Но жизнь дарить – как будто, моветон,
Я лишь лечил её от долгой муки.
Вы журналист?» – «Грачёва Шура, да», –
В ответ сказала, сбившись на мгновенье,
Коснулись наши руки, и тогда
Вдруг голова вскружилась от волненья.

Но этот миг прервал, как приговор,

Холодный голос, полный льда и стали.
«Дим, поспеши, посмотрим договор,
Пришли партнёры, мы их долго ждали».
Пред нами, будто с глянцевых страниц,
Стояла дама в шёлковом наряде,
Блондинка, львица, с бахромой ресниц,
Но с острым льдом в своём бесцветном взгляде.

«Ах, пресса... Очень мило, что пришли», –
Взгляд полоснул мой бейджик на жилете,
А губы лишь края приподняли
В улыбке острой, самой злой на свете.
«Вот, Инга, познакомься...» – начал он.
«Потом, Дим, всё потом. Нас ждут на встрече.
Твой долг – блистать талантом и умом,
А не стоять тут у стола весь вечер».

Взяла его под локоть в тот же миг
Движением уверенным и властным.
А в нём была покорность, он поник,
И взор потух, стал будто безучастным.
Он бросил, уходя, виновный взгляд,
Но был уже ведом чужою волей.
А я осталась, свой глотая яд, –
Ревнивой и униженной до боли.

Смотрю им вслед. Она уж льнёт к нему,
На ухо шепчет, близко наклонившись.
А он кивает молча ей, всему,
От мира моего отгородившись.
Победный блеск её холодных глаз,
И серый взгляд, что скрылся за плечами.
Сегодня кто-то получил свой шанс,
Но, кажется, что это всё не с нами.

Осталась с книгой вновь наедине,
Она смотрела, будто разделяя
Всю ту тоску, что холодом во мне
Бежала, как по лесу волчья стая.
Я огляделась, зал вокруг шумел,
Никто не замечал моих терзаний,
А я стояла будто не у дел,
Забыв про груз ответственных заданий.

Глава 3. Перчатка, брошенная в тишине

Лишь горький привкус от чужой игры
Напомнил мне о собственных заботах,
Горел укор во мне до той поры,
Пока не окунулась я в работу.
Я сделала глоток воды со льдом,
Чтоб охладить души поспешный довод.
Мой личный мир сейчас тут ни при чём,
А для статьи найду хороший повод.

Вокруг витал густой коктейль духов,
И смех звенел, как мелкая монета,
Где каждый быть услышанным готов
И услаждённым бликом фотосвета.
Я отошла к спасительной стене,
Раскрыв блокнот с решимостью солдата,
Должна была вот-вот открыться мне
Речь спикера, что фактами богата.

Мне нужен факт, цитата, оборот,
Что облеку в лирические формы.
А личный фронт – он, в общем, подождёт,

Какие б в нём ни бушевали штормы.
И вот иссяк шампанского поток,
И смолкли голоса в одно мгновенье.
На сцену вышел ценностей знаток,
Достойный общего благоговенья.

Директор, не скупясь на комплимент,
Представил гостя публике почтенной,
Мол, это честь тут быть в такой момент,
И для культуры польза несомненно.
«Аркадий Павлович Замятин, чтим
Историка и коллекционера».
И зал взорвался, будто вышел к ним,
Селебрити вселенского размера.

Знаток шёл к микрофону не спеша,
Подтянутый, седой, с осанкой лорда.
Плавна его манера, хороша,
И речь текла продуманно и твёрдо.
Он говорил о гении, о том,
Какой он чуткий, как душа ранима,
И как гордиться должен каждый дом,
Что в нём хранится книга та незримо.

А ныне – зримо. И какая честь
Её окутать взглядом, прикоснуться

К истории, что здесь явилась днесь,
И в прошлое с почтеньем окунуться.
Всё было гладко, правильно, и я
Свой текст строчила, радуясь цитатам.
Понравится ценителям статья,
Что редкими деталями богата.

Но вдруг его размеренный рассказ
Прервался тишиной на высшей точке.
Обвёл он взором зрителей – всех нас,
Как будто мысль слагая по кусочкам.
Настала тишина, густая, так
Что даже муха в ней бы не взлетела.
И в паузе звенел недобрый знак,
Предчувствие испорченного дела.

Он вновь заговорил, и голос враз
Наполнился металлом и печалью:
«Друзья мои, простите мой рассказ,
Но правда скрыта под цветной вуалью.
Я рад за всех, что книга здесь, сейчас,
Но совесть мне велит сказать о главном,
Чтоб ложь не ослепляла ваших глаз
Своим сияньем, глянцевым и славным».

«Талант подделки – тоже ведь талант,

И он достоин нашего вниманья.
Пред нами книга – лучший симулянт,
Что заслужил оваций и признанья!»
Он говорил, а по рядам пошёл
Какой-то шорох, ропот, недоверье.
Как будто кто-то что-то не нашёл,
И приоткрыл не те случайно двери.

А он закончил, будто молотком
Ударив в самый ценный дар музея:
«Автограф в книге, что под колпаком, –
Подделка, доказательства имею!»
И в зале будто бомба взорвалась,
Что не имела ни огня, ни звука.
Лишь тишина под купол вознеслась,
В ней – и недоумение и мука.

Я посмотрела в сторону того,
Кто стал бледней побелки потолочной.
Втык Волкова задел сильнее всего,
И тень на скулах проступала сочно.
Он замер, будто идол восковой,
И Инга, что стояла с ним под ручку,
Вмиг отстранилась, взгляд меняя свой
И вид сменив на образ тёмной тучки.

Глаза метали молнии и гром,
Но не в седого, старого провидца,
А в Дмитрия, как будто это он
Посмел позволить этому случиться.
Замятин же, как мудрый дирижёр,
Что получил желанное крещендо,
Добавил в этот общий гулкий хор
Последний довод, в виде дивиденда.

«Вы спросите, откуда знаю я?
Отвечу вам, не пряча рук в карманы,
Ведь подлинная книга у меня,
И в ней поэта почерк без изъяна.
И тот автограф, данный мне судьбой,
Я тоже здесь готов представить миру.
Пусть экспертиза примет этот бой
И вынесет свой суд всему эфиру».

Он поклонился и исчез из глаз,
Оставив за собою шлейф скандала.
Манеры все забыли в тот же час,
И сплетнями наполнилась вся зала.
Директор что-то в микрофон кричал,
Пытаясь сохранить лицо при дамах,
Но вечер был разрушен, кончен бал,
И вышла из приличных рамок драма.

Эх, Сомова теперь меня убьёт,
Ведь репортаж восторженный распался.
Но журналистский мой инстинкт поёт,
Сюжет наш главный только лишь начался.
Была перчатка брошена в толпу,
И пусть её никто не поднимает,
Я ощутила в ней свою судьбу:
Статья моя тот вызов принимает.

Глава 4. Факты, а не метафоры

Наутро офис был семьёй шмелей,
Букашки обжужжали с упоением
Скандал, что сотрясал вчера музей
И стал для всех великим откровением.
Все позабыли сплетни и дела,
И даже кофе пили торопливо,
Лишь эта новость по рукам плыла,
Сенсация казалась всем смазливой.

Ко мне Катюша подлетела вмиг,
Глаза её горели словно пламя:
«Ты видела? Ты слышала? Старик
Всю выставку накрыл своим признанием!
Какой сюжет! Какой скандала всплеск!
Весь город на ушах! Вот заварушка!»
Но тут надрывный вдруг раздался треск
Селектора, и смолкла речь болтушки.

«Грачёва, жду», – Тамары ровный тон
Не обещал ни казней, ни прощенья.
Он был похож на строгий метроном,
Что темп свой задаёт произведению.
Я поднялась, идя на этот зов,

Готовая ко всякому финалу,
Десятки пар внимательных зрачков,
Меня вели и к трону, и в опалу.

Я в кабинет вошла, прикрыла дверь,
Тамара подняла свой взгляд усталый.
«Входите, Шура. Верь тут иль не верь,
Но лучшего сюжета не бывало.
Я вас ждала, Грачёва, сядьте уж.
Я битый час все новости читала.
Я рада, хоть приём был неуклюж,
Что наш сюжет на острие скандала».

Она откинулась и взгляд свой отвела,
В её глазах плясали бесенята,
И всю суровость вмиг волна смела,
Что интересом ввысь была поднята.
«Восторг и лесть – дешёвая хвала,
Её читатель съест и не заметит,
А вот скандал – живые кружева,
Интригу каждый с упоеньем встретит».

«Вы поняли, Грачёва, я к чему?
Забудьте лесть, цветы и дифирамбы.
Мы погружаем взгляд в густую тьму,
Где факты быют куда точней, чем ямбы.

Расследовать вам нужно. Мне портрет
Дать этого седого правдоруба.
И реставратора несчастного ответ,
Что так вчера смотрелся очень глупо».

«Вы поняли? Раскручивайте всех.
Мне нужен шум, интрига, напряжение.
Кто прав из них, кто свой скрывает грех,
Кто врёт, кто ищет самовыраженья.
Забудьте про метафоры и такт,
Мне тайны, Шура, надобны, и только.
Работайте. И чтобы каждый факт
В статье был очень острым, как иголка».

Она опять уткнулась в монитор,
Давая мне понять, что всё сказала.
Я вышла в шумный гулкий коридор,
А сердце почему-то ликовало.
Не увольняют. Даже дали шанс.
И не простой, а тот, что и не снился!
Какой же щедрый выпал мне аванс,
И мир вокруг внезапно изменился.

И я пошла к столу, но не к статье,
А к мыслям, что безудержно роились.
И думала совсем не о себе.

О том, что искры больше не лучились
В глазах его. Раздавлен он стоял,
Как будто мир его столкнулся с льдиной.
Мой новый план теперь же состоял
Из помощи. И связан был он с Димой.

Добро мне так хотелось совершить,
Пусть даже это было слишком смело.
Не просто чтоб статью припорошить
Чужим и очень щекотливым делом.
А для него. Для правды. Для того,
Чтоб доказать, что он не виноватый.
И это чувство было так ново,
Как первый снег, пушистый, не примятый.

Я набрала впервые телефон,
Что мне директор дал ещё на входе.
Мой палец дрогнул. Этот марафон
Начнётся с одного звонка, и вроде
Всё так легко – набрать и говорить,
Но кошки на душе скреблись тоскливо.
Хотелось чувств своих запрянуть нить,
Мотивы скрыть за дружеским порывом.

Гудки тянулись, как в кино немом,
И сердце билось где-то возле горла.

И вот ответил голос с холодком,
Как будто жизнь на нём дыру протёрла.
«Да, слушаю», – сказал он глухо так,
Что захотелось тут же извиниться.
Но я, собрав всю волю в свой кулак,
Заговорила, как в бою тигрица.

«Да, Дмитрий. Это Шура. Журналист.
Мы виделись вчера у книги вашей».
Он так молчал, как будто падал лист
В лесной глухой и непроглядной чаще.
«Я... я звоню по поводу статьи.
Я верю вам. И я помочь хотела.
Вы не могли бы полчаса найти,
Чтоб обсудить то непростое дело?»

Молчит, как будто пробуя на вес
Все риски авантюры этой сложной.
Стал голос мягче, вспыхнул интерес:
«Вы правда не сочли мой вывод ложным?
Мне верить склонны? Что же, я готов.
Мы можем в мастерской устроить встречу.
Я адрес вышлю», – он без лишних слов
Оставил мне надежду в этот вечер.

Глава 5. Военный совет за чашкой рафа

Наш женский столик в уголке кафе
Встречал меня уютом и покоем.
Под абажуром на родной софе
Уже сидели и болтали двое.
Катюша в ярком платье, как цветок,
И Лена в серой блузочке опрятной.
Одна – бурлящий бешеный поток,
Другая – тихий омут необъятный.

«Ну, наконец-то! Мы уж заждались!» –
Катюша мне с упрёком помахала. –
«Тут свежих слухов нити в сеть сплелись,
А нам тебя как раз и не хватало!
Давай, рассказывай, Шур, всё как есть,
Без этих вот лирических пейзажей.
Я знаю, там была такая жесьь,
Что хватит на полсотни репортажей!»

И я, по свежим, пахнущим следам,
Им рассказала как всё это было,
Излила впечатленья тут и там

И суть скандала красочно раскрыла.
Девчонки слушали, едва дыша,
И даже позабыли про свой кофе.
Я ощущала, что моя душа
Переживала в этой катастрофе.

«Да, кринж какой-то нереальный, Шур, –
Сказала Катя, рапорт мой дослушав. –
«Сначала дед провёл экспертный тур,
Так мило презентацию разрушив.
Потом твой Дима, бледный, как Пьеро,
И эта Инга, фурия, ледышка...
Я чувю, тут не только про перо
Поэта сага. Тут ведь есть интрижка!»

Я рассказала им про свой звонок,
Про то, что Волков ждёт меня на встречу.
«Так, погоди, да это просто рок!» –
В ладоши Катя хлопнула беспечно. –
«Ты поняла, что сделала сама?
Ты в гущу урагана окунулась,
Ты этим ходом всех сведёшь с ума!
Вот это смелость в девочке проснулась!»

«Не просто журналистка, ты – игрок!
Сюжет в твоих руках, лови удачу!

Сыграй на этом, ну и как итог
Бери статью с красавчиком в придачу!
Так, Дима, значит, твой негласный краш?
Отлично! Это упрощает дело!
Ты свой покажешь высший пилотаж,
Когда любовь переполняет тело».

Я покраснела, будто в первый раз
Услышала подобное признание.
«Катюш, ну перестань, ведь не сейчас...
Тут дело в чести, а не в воздыханьях».
А Лена, что молчала до сих пор,
Помешивая ложечкою в чашке,
Вдруг подняла свой тихий, ясный взор,
Стряхнув пассивность, как с плеча букашку.

«Не в этом дело, Катя. Не в любви.
И не в пиаре, в этом нет сомнений.
Ты, Шура, суть задачи улови,
Ты ищешь правду, а не развлечений.
Замятин что сказал – пока слова,
Их нужно проверять, а не бояться.
Ведь, может быть, история права,
И в ней не нужно вовсе сомневаться».

«Но что-то в нём не так, – сказала я, –

Похож он на актёра на премьере.
Уверенность его – лишь чешуя,
А до конца ему я и не верю».
«Тогда ищи, – ответила она, –
Не в чувствах, а в источниках и датах.
Ведь жизнь поэта – это глубина,
Что скрыта в письмах, в пыльных аттестатах».

«Быть может, в нашем фонде я найду
Все публикации о нём, все мемуары, –
Сказала Лена, ухватив бразду, –
В библиотеке я тружусь не даром.
Воспользуемся книгою иной,
Чтоб разобраться с подлинником мнимым.
По лжи красивой, что стоит стеной,
Ударим фактом мы неоспоримым».

Совет был дельным. Лена – это мозг,
Спокойный и холодный, как машина.
А Катя – пламя, плавит, словно воск,
Любую скуку, серую рутину.
Мне не хватало третьего звена,
Того, кто не в словах, а в цифрах гений.
И мысль пришла, пронзительно ясна,
Без всяких лишних пауз и сомнений.

Я свой достала старенький айфон,
Нашла там номер, что мне всех дороже.
Мне Пашу – друг со школы он –
По делу этому придётся потревожить.
«Привет, Пашуль. Мне нужен твой совет.
Точнее, помощь. Ты сейчас свободен?»
И он мгновенно выдал свой ответ:
«Для дел твоих всегда я буду годен».

Я изложила в двух словах про всё,
Про два автографа, про спор и вызов чести.
Что правду лишь один в себе несёт,
И что их вместе нужно нам протестить.
«Мне б их сравнить не просто, не на глаз,
А как-то глубже, там по сетке, точкам...»
Он перебил: «Всё понял. Хоть сейчас.
Пришли примеры. Я сравню все строчки».

«Найду наклон, позицию пера,
Все завитки сравню я до микрона.
Компьютер всё пройдёт по номерам,
По всем порядкам цифровых канонов.
Как будут сканы – сразу мне пришли.
А дело славное, ты в этом молодчина.
Тогда давай! Пока!», – гудки вдали,
Разъединился милый друг-мужчина.

Над чашкой рафа, что давно остыл,
Сложилось заседание комитета.
И новый всплеск моих глубинных сил
Внутри зажёт живой источник света.
Снабженец, тактик, аналитик есть,
А я – десант, что был заброшен с тыла.
Есть план у нас, как истину прочесть.
И это мне всего ценнее было.

Часть вторая. По следам поэтического слова

Глава 6. Запах клея и старых страниц

Я нужный дом искала в полусне
Вдоль Маяковки, шумной, торопливой,
Где каждый камень помнит о цене
Истории, красивой и спесивой.
Вот он, старинный, с лепкой на стене,
С глубокой аркой, камнем двор мощёный.
Шла по камням и представлялось мне,
Как ждёт меня таинственный учёный.

И вот табличка – строгий важный стиль.
На ней слова, потёртые дождями:
«Книг реставратор», налетела пыль
На буквы. Руки потянулись сами
К тяжёлой двери, пахнувшей смолой.
И я вошла, решимостью объята,
Как будто прямо в омут с головой,
Где ждёт меня награда иль расплата.

Лишь дверь толкнула в этот странный мир,
И запах тут же взял меня в объятья –
Густой, он как волшебный эликсир
Из прошлых жизней, судеб и проклятий.
Тут пахло клеем, пылью вековой,
Бумагой старой, кожей и трудами.
Опешив, я застыла в мастерской,
Тома увидев плотными рядами.

И дальше – книги в стопках, на столах,
Раскрытый фолиант, в тисках зажатый,
Их переплёты, обратившись в прах,
Спасенья ждали на станках распяты.
Резцы, ножи, лежали кисти в ряд,
Хранились в строгом, выверенном строе,
И старый пресс, похожий на снаряд,
Готов к работе, как по зову к бою.

Он вышел из-за книжного стола,
Спокойный, в серый спецкостюм одетый,
И тень с его лица почти ушла,
Оставив теплые лучи живого света.
«Вы всё ж пришли. Прошу, входите в дом.
Простите, у меня тут беспорядок».
Он здесь в своей стезе, где каждый том
Старинных книг был так на ласку падок.

«Я сам не знаю, чем помочь смогу,
Но расскажу вам всё, что только можно,
Чтоб подготовить тут, на берегу,
Все аргументы в этой схватке сложной».
Включил он лампу, и зелёный круг
Зажёгся на столешнице дубовой.
Он сел напротив, и движеньем рук
Открыл свой ноутбук, совсем не новый.

«Вот в ультрафиолетовых лучах
Мы почерк в экспертизе проверяли.
Здесь снято всё в детальных мелочах,
Что вы на глаз увидите едва ли».
На чёрном фоне белой вязью строк
Сиял автограф, дышащий и странный.
«Вот видите, чернил сухой комок,
Что оставляет след немного рваный?»

«Ведь тут железо-галловая тушь,
Присуще разрушать ей ткань бумаги.
Окислилась со временем и уж
Теперь вот эта «ржавь» – живая сага
О том моменте, в кой поэт, писав,
Излил на лист потоки вдохновенья.
Фальшивку выдаст жидкости состав,

Ей не подделать времени течение».

«А вот руки естественный порыв –
Живой нажим пера неравномерный,
И от чернил пропитан здесь надрыв
Бумаги нашей – тоже факт примерный.
Я сотни их видал, поверьте, Шур.
Я знаю чёрточки и этот штрих торчащий,
Мазков таких скопление структур
Мне говорит – автограф настоящий».

Я наблюдала за рукой его,
Такой манящей под пытливым взглядом,
Что водит мышкой плавно для того,
Чтоб выбрать угол графики как надо.
Он говорил о химии, про свет,
О том, как дышит старая бумага,
И был сейчас, в своём расцвете лет,
Таким отважным рыцарем и магом.

Я поняла, что этот человек
Не мог солгать, не мог пойти на сделку,
Он был влюблён в свой позапрошлый век
И за любую книжную подделку
Он бы сцепился, вызвав на дуэль.
Его глаза горели увлечённо,

Хоть иногда кружила там метель,
Лишь возвращался к мысли обречённой.

Я размечталась, взвившись в облака.
О, если б наблюдать за ним в работе,
Как правит время мастера рука,
Смотреть на то, как снова жизнь приходит
В обложки, корешки, страницы, карты,
Что он из праха вытащил на свет.
Он жил в азарте, в творческом азарте,
Где места для обмана просто нет.

«Но вот, взгляните, – он открыл другой
Автограф – снимок с городского сайта. –
Вот тот, что приводил противник мой
Вчерашний для бравуры или хайпа.
Он внешне безупречен, спору нет,
В нём будто совершенство трафарета,
Но в этой гладкости и кроется ответ,
Который я пока не вижу где-то».

«Он слишком ровный, слишком неземной,
Как будто автор думал не о смысле
Стиха, но только чтобы вышел строй
Изгиба каждого в застывшем коромысле
Тех букв, что выводил. Но то лишь нить.

Догодки к делу не пришьёшь как факты.
Ах, падок я детально говорить,
И вас, наверно, уморил без такта».

«Вы что! Детали ваши как мечта!» –
Я возразила искренне и пылко.
И в комнате исчезла теснота,
А в воздухе повисла паутинка
Из тёплого молчанья, где слова
Уже не так важны, как взгляды рядом.
И закужилась мигом голова
Под этим добрым, этим серым взглядом.

«Я сканы на емэйл отправлю ваш,
Возможно, свежий взгляд увидит больше», –
Сказал он, нарушая эту блажь
Минуты, где хотелось быть подольше.
Я попрощалась и пошла к дверям,
Сжимая в сумке свой блокнот горячий.
«Спасибо, Дмитрий, да поможет нам...»
Но осеклась: «Желаю вам удачи».

Я вышла в гулкий и слепящий день,
А в голове стучало, как набатом:
«Немедленно озвучить эту тень
Сомнений Паше, чтобы с результатом

Его анализа мне подвести итог.
Всё рассудить и всё расставить верно».
В чужую жизнь я встала на порог,
Так сделала намеренно, наверно.

Глава 7. Обаяние антиквара

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.